

DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-5

ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНЦЕВ ЮГА РОССИИ: ДЕМОГРАФО-РАССЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Суций С.Я.

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН
(344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41)

E-mail: SS7707@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты исторической и современной геодемографической динамики украинцев Юга России. Выявлена трехвековая пространственная, расселенческая, гендерная эволюция украинских региональных сообществ, игравших наряду с русскими центральную роль в освоении степного Предкавказья. Данное обстоятельство позволяет в этнодемографическом аспекте считать вторую половину XVIII — начало XX вв. восточнославянским периодом в развитии Юга России (доля украинцев в его населении составляет 16-30%). Резкая активизация ассимиляционных процессов в 1920-1930-е гг. привела к многократному сокращению числа украинцев в южном макрорегионе. Второй период быстрого демографического сжатия украинских региональных общин приходится на постсоветский период. В 1990-2000-е гг. украинское население Юга России сократилось с 589 тыс. до 255 тыс. человек. Анализ его современной возрастной и гендерной структуры позволяет сделать вывод о дальнейшем ускоренном сокращении числа украинцев макрорегиона (до 70-125 тыс. в 2030 г. и 45-90 тыс. человек в середине XXI века) и практически неизбежном угасании их региональных общин.

Ключевые слова: Юг России, украинские общины, демографическая динамика, расселение, аккультурация и ассимиляционные процессы.

© Суций С.Я. [текст], 2017.

¹ Работа выполнена в ИСЭГИ ЮНЦ РАН в рамках проекта «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона» (№ 0260-2014-0004) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Геодемографическая динамика даже отдельной диаспоры способна многое рассказать о социальной истории страны и каждого из ее регионов. Тем более, если речь идет о национальной группе, принимавшей самое активное участие в формировании данного территориального социума. Демографическая история и география расселения украинцев Юга России — именно такой случай.

Литература, посвященная отдельным региональным группам южнороссийского украинского населения, велика и разнообразна. Однако исследований, касающихся непосредственно демографической истории южнороссийских групп украинцев, немного. Динамику их в имперский период изучал В.М. Кабузан [1; 2]. Эволюция системы расселения и количественная динамика украинцев Кубани, Старополя и других территорий степного Предкавказья и Северного Кавказа представлена в работах В.С. Белозерова [3; 4], И.Ю. Васильева [5], В.Н. Ракачева [6], И.А. Ревина [7].

Тем не менее, геодемографические аспекты истории и современности южнороссийских украинцев до сих пор остается малоизученной темой.

Между тем, история имперского освоения Юга России дает много ярких иллюстраций активного участия украинцев в деятельности по включению новых обширных территорий в социально-экономическую жизнь Российского государства. Более того, во многих районах Юга именно украинцы выполняли доминирующую интегрирующую функцию, дополняли малороссов.

Имперский период

Украинское население на Юге России появляется в период активного демографического и хозяйственного освоения территорий нижнего Поволжья и степного Предкавказья. Во второй половине XVIII века украинцы количественно преобладали на западе Земли Войска Донского — в Миусском и Донецких округах, представлявших обширную зону русско-украинского этнокультурного лимитрофа [1. С. 212].

Исключительная роль принадлежит украинцам и в заселении приазовских районов будущей Кубанской области (Таманский полуостров и правобережье Кубани вплоть до впадения Лабы). Данные территории вошли в состав Российской империи по Кючук-Кайнаджирскому мирному договору и были заселены в 90-е гг. XVIII века почти исключительно украинцами: переместившимися сюда запорожцами и выходцами из Левобережной Украины (Земля Войска Черноморского). Одновременно растет во второй половине этого столетия число украинцев и в Кавказской губернии (будущий Ставропольский край), доля которых в местном населении увеличилась с 0,1% в 1763 г. до 4,3% в 1795 году [2. С. 144].

Параллельно развивается украинская колонизация нижнего Поволжья. За период 1763–1795 гг. (между III и V ревизиями населения России): доля украинцев в Царицынском уезде выросло с 1 до 14%, Камышинском — с 22,8 до 27,8%, Балашевском — с 6,7 до 13,3%. В пределах Астраханской губернии украинцев было немного (1,8% в 1763 г. и 3,6% в 1795 г.). Но в Черноморском уезде, где концентрировалась значительная их часть,

удельный вес малорусского населения в конце XVIII в. составлял 32,8% [1. С. 213]. В целом, в пределах будущего Юга России численность украинцев во второй половине данного столетия выросла почти в 4 раза, превысив 180 тыс. человек. Доля их в населении поднялась с 16 до 25%, и в этнодемографическом аспекте эти десятилетия можно отнести к «восточнославянскому» периоду развития южного макрорегиона (прежде всего степного Предкавказья), начало которого можно датировать последней третью XVIII века.

В первой половине XIX в., по мере закрепления степного Предкавказья в составе империи, присутствие украинцев в макрорегионе продолжает увеличиваться. Колонизационные потоки из малороссийских губерний продвигаются как на юг, так и в широтном направлении. Огибая густонаселенные территории Войска Донского, украинцы расширяют свое присутствие в Саратовской (Камышинский, Царицынский, Царевский, Новоузенский, Аткарский уезды) и Астраханской (Черноярский уезд) губерниях.

Последние десятилетия XIX в. завершают период активного формирования региональных сообществ Юга России. Местное население в этот период быстро растет за счет как естественного прироста, так и масштабной миграции из центральной России и малороссийских губерний. По Первой всеобщей переписи населения империи (1897 г.) на Юге России проживали уже 8,4 млн. человек, в том числе 2,17 млн. украинцев (почти 26%)

При этом в значительном числе уездов (округов) южнороссийских регионов украинцы выступали ос-

новной этнической группой, формирующей местные социумы. Именно им в это время принадлежали и центральные ролевые обязанности имперского народа по стратегическому закреплению данных территорий в составе России, хозяйственному освоению и включению их в социально-экономические циклы государства.

Советский период. 1920–1930-е годы

Мировая война, революция и Гражданская война привели в движение огромные массы населения страны. К этнодемографическим последствиям этой мощной социальной турбулентности можно отнести дальнейший рост численности украинцев на Юге России, которых по переписи 1926 г. насчитывалось 3,26 млн. человек (на миллион больше, чем в 1897 году). Почти 30% жителей южного макрорегиона в середине 1920-х гг. — украинцы. Сохраняется и общая география южнороссийского украинского массива, основные средоточия которого по-прежнему локализованы на западе и северо-западе макрорегиона, в районах, сопредельных Украине.

Итак, «внешние» этнодемографические результаты переписи 1926 г. свидетельствовали об укреплении позиций украинцев на Юге России.

Присутствие их растет не только в сельской местности, где они предпочитали селиться до конца XIX в., но и в городской среде, которую украинское население начинает активно осваивать (хотя этот процесс и различался по отдельным регионам).

Сложной была и динамика культурно-языковых процессов, протекавших в украинской среде. Перепись

1926 г. обнаруживает масштабную аккультурацию — почти 43% украинцев Юга России указали русский язык в качестве родного. Наиболее активно данный процесс протекал в городах макрорегиона, в которых доля русскоязычных украинцев зачастую составляла 60-80%.

Первое послереволюционное десятилетие — период активной «национализации» административно-территориальной сетки страны. На карте советской России появилось множество национально-административных единиц разного уровня (от отдельных районов до союзных республик). Но дело не ограничивалось только новым принципом территориальной структуризации государства. Революция и Гражданская война сопровождались стремительным ростом националистических движений и разнообразного этнорадикализма.

Возвращая под контроль эту массовую стихию, советская власть в 1920-е гг. расширила права и возможности отдельных этнических групп. Имела место и «украинизация» социальной жизни южнороссийских районов с высокой концентрацией украинского населения (делопроизводство и школьное обучение на национальном языке, соответствующий по этнической структуре подбор управленческих кадров).

Положение меняется в 1930-е годы. Укрепив социалистической строй, советское руководство сворачивает политику административно-управленческого, социокультурного (в том числе культурно-языкового) поощрения разнообразных «национализмов». Курс на построение «советского народа» — единой надэтнической общности — в сложившихся социально-политических условиях резко ак-

тивизирует ассимиляционные процессы в украинской среде Юга России. Перепись 1939 г. фиксирует исторический водораздел в эволюции южнороссийского «украинства». В считанные годы оно из мощного демографического массива превращается в крупную, но только диаспору. Число украинцев на Юге России составляет теперь 422 тыс. человек, почти в восемь раз меньше, чем в 1926 году. Исследователи, как правило, сосредотачивают внимание на демографическом коллапсе кубанской общины. Однако не менее масштабным было количественное сокращение украинцев на Дону и в Ставропольском крае.

Таким образом, если исходить исключительно из количественных показателей, 1930-е гг. стали переломным десятилетием в истории украинского этнокультурного мира Юга России (и еще точнее — степного Предкавказья). Но констатируя коллапс регионального «украинства», обнаруживаемый результатами предвоенной переписи, необходимо принять во внимание формализм голых цифр, не способных улавливать все многообразие этнокультурных оттенков социальной жизни.

В регионах со сложной этнической структурой, тем более в таких, где самая значительная часть населения представлена двумя близкими народами, а также их многочисленным смешанным потомством, вопрос об этнической принадлежности не позволяет установить реальную этнодемографическую картину, поскольку весомая (иногда даже количественно доминирующая) группа «смешанного» населения во время переписи ставится перед жестким выбором одного из двух, по сути, равноценных ответов. И предпочте-

ние, как правило, является конъюнктурным, определяется привходящими обстоятельствами, не имеющими отношения к реальной этнической самоидентификации. В условиях конца 1930-х гг. большинство такого населения на Юге России предпочло определиться русскими. Но едва ли корректно возлагать на советский режим основную ответственность за происшедший в данное десятилетие переход к русской идентичности смешанного украинско-русского (и части украинского) населения степного Предкавказья.

Уже результаты переписи 1926 г. сигнализировали о приближении подобного «фазового» перехода, центральной причину которого скорее следует искать в стремительном росте масштабов пространственной циркуляции населения страны в годы системного кризиса российской государственности и последующей быстрой активизации межнациональной брачности и росте смешанного населения. Размывание моноэтнических украинских анклавов Юга России отчетливо обнаруживается уже в пореформенные десятилетия. Но урбанизация и масштабное промышленное строительство 1920-30-х гг., стремительное экономическое развитие макрорегиона придают данным процессам небывалую скорость.

Можно предположить, что в условиях более мягкого политического строя, идентификационная инверсия южнороссийских украинцев могла оказаться более плавной и растянутой во времени. Но основной тренд был бы тем же, с временной задержкой на 10 или 20-30 лет. Однако история не знает сослагательного наклонения, и формально конец истории южнороссийского «украинства» как

одного из двух системообразующих этнических элементов степного Предкавказья приходится на 1930-е годы. Но только формально, потому, что реальное сокращение украинского этнокультурного начала на Юге России не могло быть столь стремительным и тотальным. Население, массовым образом перешедшее из украинцев (1926 г.) в русские (1939 г.), на деле оставалось со своим сложным сдвоенным русско-украинским ментальным и социокультурным содержанием, столь же «перемешанной» речью и сдвоенной бытовой практикой. Эти люди не лукавили, назвавшись в середине 1920-х гг. украинцами, и не обманывали в конце 1930-х гг., определившись как русские. Можно сказать иначе — в том и другом случае их ответ не полностью соответствовал действительности. Они были «не совсем» украинцами в первом случае и стали «не совсем» русскими во втором.

Мощная украинская социоэтнокультурная проекция, отбрасываемая на те или иные сферы жизни местных социумов, не могла сократиться многократно на столь коротком временном отрезке. Ее нисходящая динамика была куда более плавной, чем результаты переписи. Ощутимое присутствие украинского начала в жизнедеятельности южнороссийских регионов отчетливо просматривалось еще многие десятилетия (а в некоторых аспектах социальной повседневности оно остается очевидным и в настоящее время).

Советский период. 1940-1980-е годы

По официальной статистике к рубежу 1940-х гг. доля украинцев в

населении южного макрорегиона сокращается до 3,3%. И для южнороссийского украинского мира начинается следующий — «диаспорный» этап развития. Непосредственно в демографическом плане его до конца 1980-х гг. отличают достаточно устойчивые воспроизводственные характеристики. После стремительного сжатия украинское население около полувека сохраняется на Юге России примерно в одном количественном формате. Число украинцев в послевоенные десятилетия даже несколько возрастает (с 454 тыс. человек в 1959 г. до 589 тыс. человек в 1989 г.), и к концу советского периода она все еще вторая-третья этническая группа во всех крупнейших южнороссийских регионах.

Однако демографическая и статусная трансформация южнороссийского украинского мира 1930-х гг. не обошла стороной и его систему расселения. Если в 1926 г. доля горожан-украинцев по Северно-Кавказскому району была чуть выше 11%, то в конце 1930-х гг. она вырастает кратно, поднимаясь в большинстве регионов Юга России до 30–50%. А в послевоенные десятилетия местные украинцы окончательно закрепляются в качестве преимущественно городского народа, превосходя по уровню урбанизации русское население своих регионов. Соответственно, существенно меняется и социопрофессиональная структура украинских общин, в составе которых теперь доминируют представители городских профессиональных сообществ (промышленные рабочие, группы научно-технической и творческой интеллигенции, работники сферы услуг и торговли, медицины, образования и культуры).

Но сосредоточившись преимущественно в городской среде, оказываясь максимально сближенными социокультурно и профессионально с русским этническим большинством, украинские региональные общины не могли избежать нарастающего ассимиляционного давления. Однако неизбежные ассимиляционные потери общин отчасти компенсировались естественным приростом (хотя он постепенно сокращался), а также притоком новых этнических мигрантов из Украины. Подобное замещение части украинского старожильского населения, постепенно растворявшегося в русской этнокультурной среде, новым пополнением, не было чисто южнороссийским явлением.

Именно постоянная миграционная подпитка украинских общин Юга России была одной из основных причин не только сохранения их численности, но и воспроизводства обширного этнического ядра, устойчивого к аккультурации. Действительно, за последние три десятилетия советского периода уровень культурно-языковой русификации южнороссийских диаспор практически не изменился. В большинстве регионов 60–70% местных украинцев владели украинским языком.

Общая иерархия южнороссийских центров украинского этнокультурного присутствия оставалась неизменной на протяжении большей части XX века. Центральное место в ней с начала данного столетия принадлежало Ростову, сменившему на этой позиции Екатерину (Краснодар). Помимо этих двух центров, основными средоточиями украинского населения являлись другие крупные города Ростовской области и Краснодарского края. В послевоенные десятилетия

тилетия к ним присоединяются столицы регионов Нижнего Поволжья. Многотысячные группы украинцев-горожан в этот период появляются и в республиканских столицах Северного Кавказа. В целом, несмотря на демографическое сжатие 1930-х гг., украинское присутствие в городах Юга России в середине — второй половине XX в. ошутимо возросло.

Постсоветский период

Итак, динамика украинского населения Юга России вплоть до конца советского периода обнаруживает небольшой, но устойчивый количественный рост от десятилетия к десятилетию, связанный как с естественным приростом, так и с миграционным пополнением региональных общин.

Еще во второй половине 1980-х годов не было серьезных признаков завершения данного полувекового тренда. Но этнодемографическая динамика в очередной раз продемонстрировала прямую зависимость от социально-политических реалий, особенно когда речь идет о масштабных социальных катаклизмах. Системный кризис Советского Союза и последующий его распад запустил комплекс процессов, имевших своим результатом существенную трансформацию национальной структуры населения всех государств, возникших на обломках СССР.

Одним из проявлений данного этнодемографического сдвига стало стремительное сокращение украинского этнического присутствия в РФ и ее южном макрорегионе. Только в 1990-е гг. украинские диаспоры Юга России сократились на 35-40%. И общая их численность за период 1989-

2002 г. упала с 589 тыс. до 397 тыс. человек, а в 2010 г. составляла уже 255 тыс. человек (на 36% меньше, чем в 2002 году).

Учитывая, что второй «межпереписной» период был значительно короче первого (8 и 13 лет, соответственно), темпы сокращения диаспоры в стабильные 2000-е гг. заметно возросли. Причем данная убыль достаточно равномерно распределялась по всем южнороссийским регионам. Речь шла о системном явлении, мало связанным с общественно-политической или социально-экономической спецификой конкретной территории.

В первой половине 2010-х гг., только естественная убыль ежегодно сокращала число украинцев на Юге России на несколько тысяч человек (порядка 1,5–2% от общего размера диаспоры). Но ошутимый количественный урон диаспорам нанес переход к русской самоидентификации представителей смешанного русско-украинского населения, доля которого в составе местных украинских общин в последние десятилетия стремительно растет.

Свою роль сыграла и миграция — в 1990-е гг. вернулась на Украину значительная часть представителей последних советских миграционных волн, не успевших глубоко укорениться в пределах Юга России. Между тем, именно это этническое пополнение, как уже отмечалось, отвечало за компенсацию ассимиляционной убыли региональных украинских диаспор. Из числа недавних переселенцев в значительной степени формировалось их этнокультурное ядро, ответственное за демографическое воспроизводство и сохранение своих региональных общин. К тому же речь шла преимущественно о молодом

трудоактивном репродуктивном населении, существенно улучшавшем возрастные характеристики региональных диаспор.

Потеря большей доли таких «ядерных» украинцев нанесло южнороссийским диаспорам урон, значительно превышающий по своим масштабам их удельный демографический вес. Вернувшись на Украину, они существенно сократили общий «витальный» потенциал своих южнороссийских диаспор, их системную способность противостоять ассимиляционному давлению русской социоэтнокультурной среды.

Наглядным свидетельством ускоренной русификации региональных украинских общин является значительное сокращение в них доли населения, знающего родной язык. В регионах степного Предкавказья, концентрировавших значительную часть всей южнороссийской диаспоры, доля украинцев, владеющих родным языком снизилась с 50–60% (1970–1980-е гг.) до 30–35% (начало XXI века).

Демографическое сжатие было неравномерным для различных возрастных групп диаспоры. Максимальные количественные потери в 1990-е гг. понесли молодежные генерации и население среднего (трудопособного) возраста. Как результат, в течение одного десятилетия, «стапецивидная» возрастная структура диаспоры трансформировалась в перевернутую пирамиду. Наиболее обширными оказались самые возрастные генерации украинского населения Юга России.

Информативным в этом плане может быть сравнение двух крупных возрастных групп, часто фиксируемых демографической статистикой

(население старше трудоспособного возраста и моложе его). Речь может идти о демографическом «прошлом» и «будущем» любого сообщества. По соотношению данных групп можно в самом первом приближении судить о его среднесрочных (15–20 лет) и более отдаленных (30–40 лет) демографических перспективах.

Доля лиц моложе трудоспособного возраста, весьма ограниченная уже в начале XXI в., к 2010 г., сократилась еще в 2–2,5 раза, составляя в отдельных региональных общинах только 2–4,8%. Параллельно продолжала расширяться доля пожилого населения. Во многих южнороссийских регионах доля пенсионеров в 2010 г. превышала 50% местного украинского населения.

При такой возрастной структуре даже самый грубый расчет обнаруживает безнадежную этнодемографическую перспективу. Спустя 30–45 лет, когда в разряд пенсионеров начнут переходить современные «ювенальные» генерации южнороссийских украинцев, их число по отдельным регионам может оказаться в 10–20 раз меньше, чем количество нынешних украинцев-пенсионеров. На быстрое старение региональных диаспор указывает и показатель медианного возраста. Только за 2002–2010 гг., средний возраст представителей большинства украинских общин Юга России вырос на 5–8 лет и в настоящее время зачастую приближается к 60 годам.

Отличительной чертой современного украинского населения является не только его очевидный возрастной характер, но и гендерный дисбаланс — самый значительный перевес женщин. Иными словами, современные южнороссийские укра-

инцы — это, в первую очередь, пожилые женщины, доля которых во всех региональных общинах непропорционально велика в сравнении с обычным половозрастным распределением. В большинстве регионов Юга России «возрастные» украинки (старше 70 лет) составляют 15-20% населения местных диаспор, а с учетом женщин старше 60 лет порядка 25-30%. Доля их за несколько лет (2002–2010 гг.) выросла во всех регионах на 4-6%. В ряде диаспор количественное превосходство женщин над мужчинами уже в настоящее время стало двукратным, в большинстве — является 1,5-кратным.

Как известно, становление региональных общин — освоение новой территории национальным сообществом начинается с появления на ней преимущественно мужского населения. По мере закрепления на данной территории гендерный перекос внутри формируемой общины сокращается. А достижение равновесного баланса — один из центральных признаков общей «зрелости» диаспоры, высокой степени ее укорененности в жизнедеятельные циклы принимающего общества. Потому очевидный перевес женской компоненты в региональных украинских общинах, более традиционной и склонной к сохранению/консервации устоявшегося социального (в том числе и этнокультурного) содержания является еще одним свидетельством их упадка и приближения заключительных стадий развития.

Стремительный депопуляционный тренд ряда региональных общин (прежде всего донской и кубанской) был приостановлен украинским кризисом 2014-2015 гг., в результате которого в пределах Юга России оказа-

лись многие десятки тысяч беженцев с востока Украины. Расчеты показывают, что среди 40-50 тыс. донбасских беженцев, изъявивших в 2015-2016 гг. желание стать жителями Ростовской области, присутствуют порядка 15-20 тыс. украинцев. Данный «довесок» заметно увеличивает демографический потенциал региональной диаспоры и, что не менее важно, несколько оптимизирует («омолаживает») ее возрастную структуру. Некоторое пополнение получили и другие региональные общины Юга России (прежде всего, кубанская).

В общей сложности, украинское население макрорегиона могло пополниться в последние годы на 30-40 тыс. человек.

При этом, однако, надо иметь в виду, что речь идет о русскоцентричных украинцах, т.е. об этнокультурном множестве, как минимум, уже прошедшем через стадию аккумуляции и в подавляющем своем большинстве — русскоговорящем. К тому же само желание перебраться на ПМЖ в Россию является серьезным свидетельством потенциальной расположенности к ассимиляции и смене национальной самоидентификации.

При сохранении современных показателей естественной и ассимиляционной убыли численность украинцев южного макрорегиона за период 2010-2030 гг. может сократиться с 255 тыс. до 110-175 тыс., а к середине века составить 45-90 тыс. человек. Уже через 15-20 лет украинские диаспоры во всех республиках Северного Кавказа с максимальной вероятностью превратятся в средние и небольшие этнические группы. Но и в областях/краях Юга России число украинцев за период 2010-2050 гг.

может сократиться в 2-3 раза. И уже к 2030 г. ни в одном из них не будет достигать 1% в составе местного населения (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее вероятная динамика численности украинцев ведущих региональных общин и всего Юга России, 2010-2050 гг., тыс. человек

Table 1

The most probable dynamics in the number of Ukrainians in the principal regional communities and the whole South of Russia, 2010-2050, thousand persons

Субъект РФ	2010 г.	2020 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Краснодарский край	83,7	58-73	36-57	23-40	15-30
Ростовская область	77,8	60-75	38-48	25-42	13-30
Волгоградская область	35,6	24-30	15-24	9-16	6-12
Ставропольский край	30,4	20-27	12,5-21,5	7,5-15	5-11
Астраханская область	8,1	5-6	3-5,6	1,7-3,7	1,0-2,6
Республика Адыгея	5,9	3,5-4,4	2,1-3,2	1,3-2,2	0,8-1,6
Кабардино-Балкарская Республика	4,8	2,9-3,5	1,7-2,9	1-2,1	0,7-1,7
Весь Юг России	254,9	175-227	91-175	70-125	45-90

Источник: Расчеты и оценка автора.

При этом, однако, место украинских диаспор в демографическом рейтинге этнических групп изменится не во всех регионах. В Краснодарском крае украинцы и к 2050 г. с большой вероятностью смогут сохранить третью позицию (слишком велик их отрыв от других диаспор).

Данная геодемографическая история крупного регионального сообщества на деле является одним из наглядных проявлений системного процесса. Речь об активно идущем во

всех трех восточнославянских государствах бывшего СССР процессе формирования гражданской нации на основе доминирующего этнического большинства.

В связи с этим достаточно пессимистичны не только демографические перспективы украинских общин в России и Беларуси, но и русских на Украине и в Беларуси, или белорусских на Украине и в России, о чем свидетельствуют данные постсоветских переписей в этих государствах.

Литература и Интернет источники

1. **Кабузан В.М.** Народы России в XVIII веке (численность и этнический состав). — М.: Наука, 1990. — 258 с.
2. **Кабузан В.М.** Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. — СПб.: Блиц, 1996. — 224 с.
3. **Белозеров В.С.** Этническая карта Северного Кавказа. — М.: ОГИ, 2005. — 304 с.
4. **Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В.** Этнический атлас Ставропольского края. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. — 206 с.
5. **Васильев И.Ю.** Украинцы Кубани: история этнической эволюции // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII — XXI вв.). — Краснодар: Традиция, 2013. — С. 122-133.

6. **Ракачев В.Н.** Украинцы на Кубани: особенности демографической истории // Кубань — Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. — Краснодар: Картика, 2006. — Вып. 1. — С. 44–57.
7. **Ревин И.А.** Очерки истории этносов Юга России. — Ростов-на-Дону, 2008. — 312 с.
8. **Черниенко Д.А.** Этнодемографическая ситуация и проблемы идентичности украинцев Южного Урала. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15360> (дата обращения 14.12.2016)

Благодарности и финансирование:

работа выполнена в ИСЭГИ ЮНЦ РАН в рамках проекта «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона» (№ 0260-2014-0004) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Для цитирования:

Суций С.Я. История, современность и перспективы украинцев юга России: демографо-расселенческий аспект // Народонаселение. — 2017. — № 3. — С. 63-74 DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-5.

Сведения об авторах:

Суций Сергей Яковлевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН.

Контактная информация: e-mail: SS7707@mail.ru

DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-5

THE HISTORY, THE PRESENT AND THE PROSPECTS FOR THE UKRAINIANS OF SOUTHERN RUSSIA: DEMOGRAPHIC SETTLEMENT ASPECT

Sergey Ya. Sushchy

*Institute for Social and Economic and Humanities, RAS Southern Scientific Center
(41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006)*

E-mail: SS7707@mail.ru

Abstract. This article analyzes various aspects of the historical and contemporary geo-demographic dynamics of the Ukrainians of Southern Russia. It shows the spatial, settlement and gender evolution of Ukrainian regional communities in the 18th–20th centuries, which along with the Russians played a central role in the development of Ciscaucasia. This fact allows us in the Ethno-demographic aspect to consider the second half of the 18th – the beginning of the 20th century as the East-Slavic period in the development of the South of Russia (the proportion of Ukrainians in its population makes 16-30%). The sharp intensification of assimilation processes in the 1920s-1930s led to a multiple reduction in the number of Ukrainians in the Southern macro-region. The second period of rapid demographic compression of the Ukrainian regional communities coincided with the post-Soviet period. In the 1990s-2000s the Ukrainian population of the South of Russia decreased from 589 thousand to 255 thousand people. Analysis of the current age and gender structure allows us to make a conclusion about a further accelerated reduction in the number of Ukrainians in the region (up to 70-125 thousand in 2030 and 45-90 thousand people in the middle of the 21st century) and the almost inevitable extinction of their regional communities.

Keywords: South of Russia, Ukrainian communities, demographic dynamics, settlement, acculturation and assimilation processes.

References and Internet sources

1. Kabuzan V.M. Narody Rossii v XVIII veke (chislennost' i etnicheskii sostav) [*The Peoples of Russia in the 18th Century (the number and ethnic composition)*]. Moscow. Nauka. [Science]. 1990. 258 p. (in Russ.)
2. Kabuzan V.M. Naseleniye Severnogo Kavkaza v XIX-XX vekah [*The population of the North Caucasus in the 19-20th Centuries*]. St. Petersburg. 1996. Blitz. 224 p. (in Russ.)
3. Belozеров V.S. Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza. [*Ethnic Map of the North Caucasus*]. Moscow. OGI. 2005. 304 p. (in Russ.)
4. Belozеров V.S., Panin A.N., Chikhichin V.V. Etnicheskii atlas Stavropol'skogo kraia. [*Ethnic Atlas of the Stavropol Territory*]. Stavropol. 2008. 206 p. (in Russ.)
5. Vasiliev I.Y. Ukrainians of Kuban: history of the ethnic evolution. *Etnokul'turnoye prostranstvo Yuga Rossii (XVIII — XXI vv.)* [*The Ethno-Cultural Space of the Russian South (18-19th centuries.)*]. Krasnodar. Tradition. 2013. P. 122-133 (in Russ.)
6. Rakachev V.N. Ukrainians in Kuban: specifics of the demographic history. *Kuban' — Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya* [*Kuban — Ukraine: issues of the historical and cultural interaction*]. Vol. 1. Krasnodar. Kartika. 2006. P. 44-57 (in Russ.)
7. Revin I.A. Ocherki istorii etnosov Yuga Rossii [*Essays on the History of Ethnic Groups in the Russian South*]. Rostov-on-Don. 2008. 312 p. (in Russ.)
8. Chernienko D.A. Etnodemograficheskaya situatsiya i problemy identichnosti ukraintsev Yuzhnogo Urala [*The Ethno-demographic situation and the issues of identity of Ukrainians in the Southern Urals*] Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15360>. (Accessed: 14 December 2016). (in Russ.)

Acknowledgments and funding:

the work was carried out at ISEGI YRC RAS in the framework of the project «Problems of demographic and socio-economic development of the southern macro region» (No. 0260-2014-0004) of the Basic Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Sushchy S.Ya. The history, the present and the prospects for the Ukrainians of Southern Russia: demographic settlement aspect. *Narodonaseleniye* [*Population*]. 2017. No. 3. P. 63-74. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-5 (in Russ.)

Information about the author(s):

Sushchy Sergey Yakovlevich, Dr. Sci. (Philosophy), Chief Researcher, Institute for Social and Economic and Humanities, RAS Southern Scientific Center.

Contact information: e-mail: SS7707@mail.ru